

Д.В. Иванов

Экстернализм и теория расширенного сознания

Иванов Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ivdmitry@mail.ru

Статья посвящена анализу гипотезы расширенного сознания, обсуждение которой в последние два десятилетия было инспирировано статьей Э. Кларка и Д. Чалмерса «Расширенное сознание». Данная гипотеза исследуется в контексте экстерналистских теорий сознания, разрабатываемых в современной философии сознания и когнитивной науке. В работе рассматривается позиция активного экстернализма и отмечаются недостатки аргумента в поддержку данной позиции, предложенного Кларком и Чалмерсом. Одновременно в работе демонстрируется, что культурно-историческая психология, разрабатываемая Л.С. Выготским, представляет собой альтернативный вариант обоснования гипотезы расширенного сознания. Для обозначения позиции Выготского в статье вводится термин «активный социальный экстернализм». Данный термин помогает отличить подход Выготского от защищаемого Кларком и Чалмерсом варианта экстернализма, в котором не уделяется внимания социальным формам развития психики, и от предложенного Т. Бёрджем социального экстернализма, в котором подчеркивалась лишь пассивная роль общества в формировании содержания ментальных состояний. В статье демонстрируется, каким образом активный социальный экстернализм Выготского избегает проблем, встающих перед экстерналистскими подходами к объяснению сознания.

Ключевые слова: философия сознания, когнитивная наука, культурно-историческая психология, экстернализм, телесно-воплощенное познание, гипотеза расширенного сознания

Пытаясь понять природу сознания, многие философы занимают интерналистскую позицию, согласно которой ментальные состояния локализованы в мозге. Однако если мы также придерживаемся антиредукционизма, т. е. полагаем, что, объясняя психические феномены, мы не должны редуцировать их к физическим

или функциональным характеристикам мозга, то интернализм может оказаться препятствием на пути к натуралистическому пониманию сознания. В отличие от интернализма, экстернализм позволяет совместить натурализм и антиредукционизм в объяснении сознания.

Классическим вариантом экстернализма в философии сознания является *экстернализм относительно ментального содержания*, поддерживаемый аргументами Х. Патнэма и Т. Бёрджа [Putnam, 1973; Putnam, 1981; Burge, 1979]. Однако, отстаивая тезис о том, что содержание ментальных состояний зависит от случайных факторов внешней среды, этот вариант экстернализма не опровергает интернализм относительно самих ментальных состояний, которые по-прежнему мыслятся как внутренние психические состояния. Такого недостатка лишен вариант экстернализма, предложенный Э. Кларком и Д. Чалмерсом в 1998 г. и обозначенный ими как *активный экстернализм* [Clark, Chalmers, 2010]. Этот вид экстернализма поддерживает гипотезу расширенного сознания, согласно которой в формировании ментальных состояний принимает участие не только наш мозг, но и объекты окружающей среды, благодаря которым сознание как бы расширяется за пределы организма.

Нужно отметить, что данная гипотеза уже долгое время обсуждается в психологии развития. Тезис о том, что социальные артефакты, орудия и знаки не просто способствуют формированию высших психических функций ребенка, но конституируют его когнитивные состояния, занимает центральное место в культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. Цель статьи – показать, что подход Выготского к пониманию сознания является особым вариантом активного экстернализма, позволяющим преодолеть трудности, с которыми столкнулись Кларк и Чалмерс, защищая гипотезу расширенного сознания.

* * *

Экстернализм относительно ментального содержания не просто классический, как было сказано выше, но и самый популярный вариант экстернализма. Мысленные эксперименты, разработанные такими философами, как Х. Патнэм [Putnam, 1973; 1981] и Т. Бёрдж [Burge, 1979], убедили многих, что содержание ментальных состояний определяется не внутренними (физическими, функциональными, психическими) факторами организма, а положениями дел окружающей среды, в которую включен организм. В этих экспериментах нам предлагается представить контрфактическую ситуацию, при которой внутренние состояния субъекта остаются теми же самыми, а какой-нибудь элемент внешней среды изменяется. Например, изменяется вода на планете – двойнике Земли из мысленного эксперимента Патнэма или изменяется употребление понятия «артрит» в контрфактической ситуации, представленной Бёрджем. Попав в эти ситуации, субъект сохраняет все свои физические и функциональные характеристики, все свои предшествующие убеждения, однако из-за того, что окружающая среда изменилась, меняется и содержание его убеждений. Если убеждения субъекта о природе артрита были ложными в нашем мире, то они станут истинными в сообществе, где понятие *артрит* функционирует так, как

изначально предполагал субъект. Убеждения нашего физического, функционального, психического двойника о воде на его планете будут иными только потому, что они будут об ином объекте, который внешне не отличим от воды с нашей планеты.

Данная позиция совместима с определенным вариантом интернализма: принимая выводы Патнэма и Бёрджа, мы можем по-прежнему полагать, что сами ментальные состояния являются внутренними состояниями мозга. Однако в таком случае зависимость содержания ментальных состояний от окружающей среды начинает представляться как особая мистическая связь. По мнению Кларка и Чалмерса, недостаток классического экстернализма заключается в том, что внешние характеристики окружающей среды, которые выделялись в этом виде экстернализма, были пассивными, отдаленными от субъекта сознательных состояний в каузально-историческом смысле. Кларк и Чалмерс пишут: «Когда я полагаю, что вода жидкая, и мой двойник полагает, что вода-двойник жидкая, внешние характеристики, ответственные за разницу наших убеждений, размещаясь на другом конце длинной каузальной цепи, являются удаленными и зависящими от истории взаимоотношений. Присутствующие же в настоящий момент характеристики обнаруживают свою нерелевантность: если я окажусь прямо сейчас поблизости от XYZ-жидкости (например, телепортировавшись на Двойник Земли), из-за моей истории мои убеждения все еще будут об обычной воде. В этих случаях соответствующие внешние факторы будут пассивными» [Clark, Chalmers, 2010, p. 29].

В активном экстернализме характеристики окружающей среды являются активными, формируя здесь и сейчас когнитивные состояния. Организм и объект окружающей среды создают спаренную систему, которая может рассматриваться как когнитивная система. Внешний объект в этой системе играет активную каузальную роль. Его удаление ведет к исчезновению определенного когнитивного процесса. Настаивая на том, что мы имеем дело именно с подлинными когнитивными процессами, Кларк и Чалмерс опираются на принцип соответствия: «Если, когда мы решаем определенную задачу, часть мира функционирует как процесс, который, происходи он в голове, мы без промедления распознали бы как когнитивный процесс, то эта часть мира является (как мы утверждаем) частью когнитивного процесса» [ibid.].

Кларк и Чалмерс подкрепляют свои идеи мысленным экспериментом. Они предлагают рассмотреть ситуацию, когда наше поведение основывается на воспоминаниях. У Инги нет проблем с памятью. Когда она узнаёт, что в музее современного искусства будет интересная выставка, она вспоминает, что музей находится на 53-й улице, и направляется туда. У Отто болезнь Альцгеймера. Он не может полагаться на свою биологическую память и постоянно использует записную книжку. Когда Отто узнаёт о выставке и решает на нее сходить, то обращается к своей записной книжке, чтобы узнать местоположение музея. И Инга, и Отто ведут себя одинаково, оба направляются в музей, поскольку оба имеют желание посетить выставку и истинное убеждение, что музей расположен на 53-й улице. По мнению Кларка и Чалмерса, мы можем сделать вывод, что записная книжка Отто играет ту же роль, что и биологическая память Инги. Это значит, что система человек-внешний объект в данном

случае выполняет определенную когнитивную функцию и определенный психический процесс расширяется в мир за счет внешнего объекта.

Критикуя Кларка и Чалмерса, оппоненты выдвинули ряд возражений [Menary (ed.), 2010]. Одно из них заключается в указании на совершение сторонниками теории расширенного сознания следующей ошибки. По мнению оппонентов, внешние объекты способны оказывать каузальное воздействие на наши когнитивные процессы. Однако это не значит, что данные объекты конституируют когнитивные процессы. Ошибкой будет рассматривать их таким образом, и именно эту ошибку каузации-конституирования совершают сторонники теории расширенного сознания.

Интересный ответ на это возражение был предложен С. Хёрли [Hurley, 2010], которая также придерживалась экстерналистской позиции в объяснении когнитивных процессов. С. Хёрли отметила, что оппозиция внешнего и внутреннего, устанавливаемая экстернализмом и интернализмом, не тождественна различию каузации и конституирования. Думать иначе означает совершать ошибку предвосхищения основания. Оппоненты гипотезы расширенного сознания должны доказать, что внешние объекты не могут участвовать в конституировании когнитивных процессов, а не утверждать это, исходя из того, что данные объекты являются чем-то внешним по отношению к организму. По мнению Хёрли, рассматриваемый вопрос не может быть решен априори. Вопрос о легитимности экстернализма – это вопрос о том, насколько успешно в каждом конкретном случае предлагаемое объяснение, а не о том, имеется ли метафизический критерий, который заранее нам скажет, что может быть когнитивным процессом, а что – нет. Замечание Хёрли справедливо, однако оно означает, что сторонники интернализма могут не принимать экстерналистские эмпирические объяснения тех или иных процессов, пока у них имеется свой вариант их объяснения.

По-видимому, чтобы опровергнуть интернализм, необходимо предложить объяснение таким эмпирическим примерам когнитивных процессов, которые не вписываются в рамки интерналистской парадигмы. Для этого необходимо показать, что внешние объекты не просто являются частью какого-то конкретного психического процесса, но участвуют в конституировании нового типа психических функций. Причем психические функции должны рассматриваться как имплементированные особым образом в организме, т. е. имеющие конкретное телесное воплощение.

Основной недостаток мысленного эксперимента Кларка и Чалмерса состоит в том, что он опирается на принцип соответствия, который, по сути, поддерживает функционалистскую парадигму, лежащую в основе классической когнитивной науки. В контексте данной парадигмы ментальные состояния отождествляются с абстрактными функциональными состояниями, которые могут быть реализованы на любых носителях. Поэтому Кларк и Чалмерс фактически защищают не теорию расширенного сознания, а классический функционализм. Ведь если мы отождествляем ментальные состояния с функциональными состояниями, не зависящими от конкретной биологической специфики организма, то, очевидно, из этого следует теория расширенного сознания, т. е. возможность реализации данных состояний с помощью внешних

для организма объектов. Однако, как отмечают критики Кларка и Чалмерса, память как биологический феномен отличается от памяти, обсуждаемой в их мысленном эксперименте. Отличия обусловлены тем, что естественная память является телесно-воплощенной психической функцией. Пытаясь помыслить эту функцию в отрыве от конкретных механизмов ее имплементации, мы утрачиваем многие ключевые характеристики, свойственные биологической памяти. Парадоксально, но когда сторонники классической когнитивной науки критикуют теорию расширенного сознания, они высказывают аргументы, которые можно использовать для обоснования когнитивной науки, ориентированной на исследование телесно-воплощенных когнитивных процессов. Напротив, когда такой сторонник исследования телесно-воплощенного познания, как Кларк, отстаивает теорию расширенного сознания, он, по существу, апеллирует к принципам, на которых базируется классическая когнитивная наука.

Однако допустим, что предложенная интерпретация мысленного эксперимента Кларка и Чалмерса неверна и в нем рассматривается пример телесно-воплощенной психической функции, в механизме реализации которой один из элементов заменяется на внешний объект. Тогда нужно признать, что ими разбирается, скорее, конкретный пример такой психической функции, как память, не позволяющий сделать выводы о памяти как типе психических функций, имплементированных определенным образом в организмах. Из эксперимента не следует, что сущностное определение памяти должно включать упоминание влияния каких-либо внешних объектов. Ситуацию с Отто правильнее интерпретировать как пример улучшения деградирующей психической функции. Аналогичным образом мы считаем очки средством, улучшающим зрительное восприятие, но не конституирующим его. Упоминание роли очков не входит в сущностное определение зрительного восприятия.

Еще один недостаток обсуждаемого мысленного эксперимента заключается в том, что он не позволяет увидеть подлинную возможность для обоснования активного экстернализма. Вместо того чтобы анализировать отдельные примеры, где, как нам кажется, внешние объекты влияют на психические функции, следовало бы рассмотреть, как в онтогенезе организма формируются новые психические функции, которые не могли бы существовать без интеракции объекта и организма. В эксперименте Кларка и Чалмерса только Отто выступает в качестве субъекта с расширенным сознанием. Это препятствует пониманию того, что сознание Инги также может быть примером расширенного сознания. Такое расширение могло бы обеспечиваться языком, знаками, другими социальными артефактами, манипулирование с которыми осваивается в раннем детстве.

Подобный альтернативный подход к обоснованию теории расширенного сознания был выработан в 1920–1930-х гг. – задолго до того, как в философии когнитивной науки начались дебаты относительно гипотезы расширенного сознания, инспирированные статьей Кларка и Чалмерса. Этот подход мы находим в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского. Несомненно, предложенное Выготским понимание психических процессов следует охарактеризовать как экстерналистское. Вот что пишет Выготский:

Таким образом, мы приходим к выводу, что операция употребления знака, стоящая в начале развития каждой из высших психических функций, по необходимости носит в первое время характер внешней деятельности. Знак вначале, как правило, есть внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автостимуляции. Это обусловлено двумя причинами: во-первых, происхождением этой операции из коллективной формы поведения, которая всегда принадлежит к сфере внешней деятельности, и, во-вторых, примитивными законами индивидуальной сферы поведения, которая в своем развитии еще не оторвалась от внешней деятельности, еще не эмансипировалась от наглядного восприятия и внешнего действия (например, наглядное, или практическое, мышление ребенка). Законы же примитивного поведения гласят, что ребенок раньше и с большой легкостью овладевает внешней деятельностью, чем ходом внутренних процессов [Выготский, 1984, с. 16–17].

Обсуждая мысленные эксперименты в поддержку экстернализма, Хёрли отмечала, что важная особенность экспериментов вообще и мысленных экспериментов в частности – обоснование зависимости определенных изменений в исследуемом объекте от какого-либо параметра. Такое обоснование можно получить, демонстрируя, что именно варьирование данного параметра при сохранении остальных параметров неизменными приводит к изучаемым изменениям объекта. Подобным образом, например, выглядит обоснование экстернализма в мысленных экспериментах Патнэма и Бёрджа, показывающих, как меняется содержание ментальных состояний в зависимости от изменения окружающей среды, притом что все внутренние состояния организма остаются теми же самыми.

Этому же условию удовлетворяют эксперименты Выготского. В них мы видим, что внешняя речь ребенка не просто является сопутствующим элементом практического интеллекта, но ответственна за формирование данной когнитивной способности. Воздействуя на речевое поведение ребенка, мы можем наблюдать изменение у него соответствующих когнитивных процессов. Выготский, в частности, пишет:

Первое же наблюдение за ребенком в экспериментальной ситуации, сходной с ситуацией, в которой Келер наблюдал практическое применение орудия обезьянами, показывает, что ребенок не просто действует, пытаясь достичь цели, но одновременно говорит. Речь, как правило, возникает у ребенка спонтанно и длится почти непрерывно на протяжении всего эксперимента. Она проявляется с большим постоянством и усиливается всякий раз, когда ситуация становится более трудной и цель оказывается не столь легко достижимой. Попытки помешать ей (как показали эксперименты нашего сотрудника Р.Е. Левиной) или ни к чему не приводят, или останавливают действие, сковывая все поведение ребенка [там же, с. 22].

Исследуя природу практического интеллекта, Выготский, по сути, демонстрирует, что данная когнитивная функция является спаренной системой, образованной организмом и таким внешним социальным феноменом, как речь. В этой системе речь играет активную каузальную роль в формировании практического интеллекта ребенка, ее исчезновение ведет к нарушению всего когнитивного процесса. Поскольку принцип каузальной спаренности лежит

в основе активного экстернализма, постольку подход Выготского вполне может быть рассмотрен как вариант данной теории.

Говоря о каузальной спаренности действия и речи, Выготский использовал термин «синкретизм действия». Анализ эмпирических ситуаций проявления этого синкретизма показывает, что ребенок, решая поставленные перед ним задачи, одновременно использует слова как орудия, как внешние объекты, с помощью которых можно повлиять на ситуацию:

В ряде экспериментов мы наблюдали, как ребенок, видя безнадежность своих попыток, обращается прямо к предмету деятельности, к цели, прося ее приблизиться к нему или опуститься, в зависимости от условий задачи. Здесь мы видим смешение речи и действия того же лица. С таким смешением часто сталкиваешься, когда ребенок, производя действия, разговаривает с объектом, обращаясь со словами так же, как с палкой [Выготский, 1984, с. 32].

В приведенном примере мы видим, что индивидуальные действия ребенка, по сути, оказываются действиями кооперации и речь способствует реализации этих действий. Наиболее заметным это становится, когда ребенок для решения задачи пытается контролировать поведение другого человека. В экспериментах Выготский не раз наблюдал следующие ситуации: «После того как ребенок провел ряд разумных и взаимосвязанных действий, которые должны помочь ему успешно разрешить предложенную задачу, вдруг, наткнувшись на трудность в реализации своего плана, резко обрывает попытки и обращается к экспериментатору с просьбой подвинуть объект ближе и таким образом дать ему возможность выполнить задание» [там же, с. 31].

Синкретизм действия и действия кооперации являются ключом к обоснованию теории расширенного сознания с позиции культурно-исторической психологии Выготского. Согласно Выготскому, «ребенок, сознательно включая действия другого лица в свои попытки решить задачу, начинает не только планировать свою деятельность в голове, но и организовывать поведение взрослого в соответствии с требованиями задачи. <...> Контроль над поведением другого человека в данном случае становится необходимой частью всей практической деятельности ребенка» [там же]. Существенный сдвиг в развитии ребенка происходит тогда, когда он вместо того, чтобы обратиться к экспериментатору, обращается к самому себе. В этот момент его речь превращается из интерпсихической в интрапсихическую функцию [там же, с. 32]. Данный процесс в психологии Выготского обозначается важным термином «интернализация». Процесс интернализации можно представить как переход от внешней речи к внутренней через эгоцентрическую речь. Внешняя речь является социальной речью, ее функция заключается в обращении к взрослому за помощью. Эгоцентрическая речь представляет собой примитивное мышление вслух и уже позволяет ребенку регулировать собственное поведение. На этапе внутренней речи мышление ребенка более не сопровождается проговариванием собственных действий вслух.

На стадии эгоцентрической речи ребенок формирует в дополнение к стимулам окружающей среды второй уровень стимулов, им оказывается знаковая реальность. Отныне взаимодействие ребенка с миром опосредовано знаками,

благодаря чему он приобретает относительную свободу от непосредственных стимулов окружающей среды. Выготский так пишет об этом:

Поведение обезьяны, описанное Келером, ограничено манипулированием животного в непосредственно данном зрительном поле, тогда как решение практической проблемы ребенком, способным говорить, в значительной степени отделяется от натурального поля. Благодаря планирующей функции речи, направленной на собственную деятельность, ребенок создает рядом со стимулами, доходящими до него из среды, другую серию вспомогательных стимулов, стоящих между ним и средой и направляющих его поведение. Именно благодаря созданному с помощью речи второму ряду стимулов поведение ребенка поднимается на более высокий уровень, обретая относительную свободу от непосредственно привлекающей ситуации, и импульсивные попытки преобразуются в планируемое, организованное поведение [Выготский, 1984, с. 24–25].

Помимо практического интеллекта, отвечающего за организованное, спланированное поведение, трансформацию претерпевают и такие психические функции, как восприятие, внимание, память. Выготский следующим образом описывает трансформации каждой из этих функций.

Восприятие: «Ребенок, давая отчет о предложенной картинке, не просто вербализует полученные им натуральные восприятия, выражая их в несовершенной словесной форме; речь расчленяет его восприятие, выделяет из целостного комплекса опорные пункты, вносит в восприятие анализирующий момент и тем заменяет натуральную структуру рассматриваемого процесса сложной, психологически опосредованной» [там же, с. 41].

Внимание: «С помощью индикативной функции слов, которую мы уже отметили выше, он начинает руководить своим вниманием, создавая новые структурные центры воспринимаемой ситуации, изменяя тем самым, по удачному выражению Г. Кафки, не степень ясности той или иной части воспринимаемого поля, а его центр тяжести, значимость отдельных его элементов, выделяя все новые и новые фигуры из фона и тем самым бесконечно расширяя возможность руководства действием своего внимания» [там же, с. 47].

Память: мнемическая «операция выходит здесь и за пределы естественных, внутрикортикальных процессов, включая в психологическую структуру и элементы среды, которые начинают использоваться как активные агенты, управляющие извне психическим процессом» [там же, с. 61].

Выготский обозначает перечисленные функции термином «высшие психические функции». Их особенность заключается в том, что они 1) являются продуктом исторического, социального развития людей; 2) конституируются знаковой реальностью, благодаря которой взаимодействие индивидов с миром приобретает опосредованный характер; 3) позволяют индивиду контролировать собственное поведение, обеспечивая тем самым приспособление к окружающей среде. По сути, данные когнитивные процессы представляют собой новый тип психических функций, свойственный человеку и являющийся результатом не биологической, а социальной эволюции психики.

Резюмируя, можно отметить, что предложенный Выготским подход к пониманию возникновения высших психических функций в онтогенезе индивида

удовлетворяет основным критериям обоснования теории расширенного сознания. Акцент, который Выготский делает на социальной форме развития психики, позволяет охарактеризовать его позицию как *активный социальный экстернализм*. Подобное обозначение помогает отличить подход Выготского и от защищаемого Кларком и Чалмерсом экстернализма, в котором не уделяется внимания социальным формам развития психики, и от предложенного Бёрджем социального экстернализма, в котором подчеркивалась лишь пассивная роль общества в формировании содержания ментальных состояний.

Обсуждая аргумент Кларка и Чалмерса, Р. Менари предложил рассматривать его как относящийся к первой волне аргументов в поддержку теории расширенного сознания. Аргументы первой волны основываются на принципе соответствия, подчеркивающим функциональную идентичность внешних и внутренних составляющих когнитивных процессов. Менари справедливо отмечает, что апелляции к данному принципу не достаточно, чтобы обосновать теорию расширенного сознания. Вторая волна аргументов, по его мнению, основывается на принципе дополнительности, который допускает радикальную нетождественность внешних и внутренних объектов, формирующих ментальные состояния.

Менари характеризует аргументы второй волны как ориентированные на когнитивную интеграцию. Их цель объяснить, как внешние и внутренние аспекты когнитивных процессов конституируют единое целое. Менари пишет: «Основная цель моего аргумента показать, что недостаток аргументов в пользу расширенного сознания ведет нас к пониманию когнитивной сферы (и сознания) в качестве гибрида, включающего как внутренние, так и внешние процессы, и аргументы в пользу интеграционного понимания показывают нам, как телесные внутренние и внешние процессы взаимодействуют друг с другом в процессе выполнения когнитивных задач» [Menary (ed.), 2010, p. 228]. Подход к пониманию природы когнитивных процессов, разработанный Выготским, вполне мог бы быть основанием, поддерживающим аргументы второй волны в пользу теории расширенного сознания.

Список литературы

- Выготский, 1984 – *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // *Выготский Л.С. Собрание сочинений*: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
- Burge, 1979 – *Burge T.* Individualism and the Mental // *Midwest Studies in Philosophy*. 1979. No. 4. P. 73–121.
- Clark, Chalmers, 2010 – *Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // *The Extended Mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 27–42.
- Hurley, 2010 – *Hurley S.* The Varieties of Externalism // *The Extended Mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 101–154.
- Menary, 2010 – *Menary R.* Cognitive Integration and the Extended Mind // *The Extended Mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010. P. 227–243.
- Menary (ed.), 2010 – *The Extended Mind* / Ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010. 392 p.
- Putnam, 1973 – *Putnam H.* Meaning and Reference // *The Journal of Philosophy*. 1973. Vol. 70. No. 19. P. 699–711.
- Putnam, 1981 – *Putnam H.* Reason, Truth, and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 236 p.

Externalism and the theory of extended mind

Dmitry V. Ivanov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ivdmitry@mail.ru

The paper deals with the hypothesis of extended mind. In the last two decades the discussion of this hypothesis was inspired by Clark and Chalmers' paper "The Extended Mind". This hypothesis is explored within the context of externalist theories, developed in contemporary philosophy of mind and cognitive science. The paper examines the position of active externalism and shows the shortcomings of the argument in support of this position, proposed by Clark and Chalmers. At the same time, the work demonstrates that the cultural-historical psychology developed by Vygotsky is an alternative way to support the hypothesis of extended mind. It is proposed to designate the position of Vygotsky by the term "active social externalism". This term helps us to distinguish Vygotsky's approach from active externalism, defended by Clark and Chalmers, that does not pay attention to the social forms of development of cognition, and from Burge's social externalism, that emphasized only the passive role of society in the formation of the content of mental states. The paper demonstrates how Vygotsky's active social externalism avoids the problems faced by other externalist approaches to the explanation of mind. The paper follows R. Menary's suggestion to distinguish two waves of arguments in support of the extended mind hypothesis. It concludes with the thesis that Vygotsky's approach to understanding the nature of cognitive processes could very well be the basis for defending second-wave arguments in favor of the extended mind hypothesis.

Keywords: philosophy of mind, cognitive science, cultural-historical psychology, externalism, embodied cognition, hypothesis of extended mind

References

- Burge, T. "Individualism and the Mental", *Midwest Studies in Philosophy*, 1979, no. 4. pp. 73–121.
- Clark, A., Chalmers, D. "The Extended Mind", in: *The Extended Mind*, ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010, pp. 27–42.
- Hurley, S. "The Varieties of Externalism", in: *The Extended Mind*, ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010, pp. 101–154.
- Menary, R. "Cognitive Integration and the Extended Mind", in: *The Extended Mind*, ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010, pp. 227–243.
- Putnam, H. "Meaning and Reference", *The Journal of Philosophy*, 1973, vol. 70, no. 19, pp. 699–711.
- Putnam, H. *Reason, Truth, and History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 236 pp.
- The Extended Mind*, ed. by R. Menary. Cambridge: MIT Press, 2010. 392 pp.
- Vygotsky, L.S. "Orudie i znak v razvitie rebenka" [Tool and Sign in the Development of the Child], in: L.S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [The Collected Works], Vol. 6. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, pp. 5–90. (In Russian)